

Он пришел в ее дом, когда юная Сюзанна почувствовала себя очень одинокой. Ее мать Маргарита погибла при загадочных обстоятельствах. Поговаривали, что она была ведьмой, потому что иногда ходила во сне... Настоятель местного доминиканского монастыря отец Генрих обещал Сюзанне утешение и отпущение всех грехов, а также упокой души матери. Но забота Генриха переросла в нечто иное, в опасную зависимость... Если бы девушка знала, кто он на самом деле! И в какую страшную игру играет с ней охотник...

Читая книги Астрид Фритц, очень легко погрузиться в историческую атмосферу начала XV века.

Histo-Couch.de

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6064-1

9 786171 260641

АСТРИД ФРИТЦ
ОХОТА НА ВЕДЬМУ

АСТРИД ФРИТЦ

ОХОТА НА ВЕДЬМУ

ОХОТА
НА ВЕДЬМУ

ASTRID FRITZ

DER
HEXENJÄGER

ROMAN

АСТРИД ФРИТЦ

ОХОТА НА ВЕДЬМУ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.112.2
Ф89

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Originally published under the title
DER HEXENJÄGER

Переведено по изданию:
Fritz A. Der Hexenäger : Roman / Astrid Fritz. — Reinbek bei
Hamburg : Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2018. — 448 p.

Перевод с немецкого *Олеси Малой*

Дизайнер обложки *Алина Белякова*

ISBN 978-617-12-6064-1
ISBN 978-3-499-27467-1 (нем.)

- © Rowohlt Verlag GmbH, Reinbek bei Hamburg, 2018
- © DepositPhotos.com / Genika, обложка, 2019
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2019

Справедлив закон не оставлять ворожею в живых, ведь много горя приносят они, пусть иные и не замечают того; воруют они молоко, масло и иное от коровы взятое из жилищ людских, сжимая руку на платке, столешнице или двери, изрекая слова силы и думая о корове. Дьявол же переносит молоко и масло на сжатое рукою ведовской. Наводят они порчу на дитя, чтобы плакало оно, не ело, не спало и проч. Неведомые хвори, что тело разъедают, насылают они на колена людские. Коль увидишь таких женщин, узришь, что дьяволом отмечен облик их, то видел я и сам. Потому смерти надлежит их предавать.

*Мартин Лютер. Проповедь о напутствии
«Ворожеи не оставляй в живых» (Исход 22, 18).
Виттенберг, 1526 год*

ГЛАВА 1

Селеста, Эльзас,
июнь 1484 года

Последние соседи покинули дом, отправляясь трудиться этим солнечным утром начала лета. Свечи в комнате догорели, а до сих пор закрытые ставни приглушали звуки, доносящиеся из переулка. И только тихое дыхание моего старшего брата Мартина, прикорнувшего на лавке в нише у окна, нарушало гнетущую мрачную тишину.

Я отерла слезы с лица и подошла к дубовому столу, где в погребальном саване лежало тело моей матери. Белый лен закрывал ее до плеч, скрывая изувеченные ноги и руки, и лишь лицо после падения с такой высоты осталось целым. Однако оно не было умиротворенным, как у нашей младшей сестренки, когда та умерла. На тонких, почти еще девичьих чертах застыли боль и отчаяние.

Я осторожно коснулась ее холодной щеки и громко вскрикнула. Мартин вскинулся ото сна.

— Прости, — пробормотал он. — Должно быть, я уснул.

Он одернул черно-белый хабит¹ и смущенно оглянулся.

— Отец и Грегор еще не вернулись?

Я покачала головой, не решаясь отвести взгляд от тела матери. Еще вчера вечером она шутила с нами за ужином, наконец-то отринувла скорбь всех этих дней, радовалась... С аппетитом ела квашеную капусту и сало, расспрашивала папу о работе, сказала нам, что с завтрашнего дня хочет вернуться в лавку.

¹ Хабит — облачение монахов и монахинь, отличается цветом в зависимости от ордена. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.)

После ужина она не пошла сразу в спальню, как прежде, а помогла мне убрать со стола и вымыть посуду. А отходя наконец ко сну, я слышала, как она тихонько поет псалмы в соседней комнате. Теперь же она лежит передо мной, безжизненная оболочка, лишившаяся всего, что составляло ее естество.

По спине у меня побежал холодок. Больше никогда не смогу я сесть за этот стол к воскресному ужину, не вспоминая о смерти своей матери.

— Где же они? — Голос Мартина доносился до меня будто издали. — Они должны были давно вернуться.

Я не ответила. И вдруг ощутила облегчение оттого, что в доме воцарилась тишина после этой кошмарной ночи, когда мы с отцом и двумя моими братьями плакали от отчаяния и молились, пока утром в дом не явилась толпа соседей, друзей и знакомых, чтобы попрощаться с матерью и утешить нас. Должно быть, известие о ее смерти разнеслось по нашей улице, точно пожар.

Мартин подошел ко мне.

— Скоро придет священник, — сказал он мягко, так, как говорила наша мать. — Тебе нужно идти в кухню приготовить поесть. А я пока принесу кувшин вина из погреба и зажгу новые свечи.

— Еще есть время.

Я все гладила маму по лбу, глазам, щекам. Наконец отвернулась и без сил опустилась на стул у двери. Невзирая на тишину в доме, в ушах у меня взвился крик моего старшего брата Грегора, когда он разбудил меня ночью: «Сюзанна! Проснись! Случилось страшное!»

Мама лежала во дворе под звездным небом, руки и ноги вывернуты, глаза широко распахнуты. Такой нашел ее отец. Он как раз вносил ее в дом, когда я сбежала вниз по лестнице и, дрожа в тоненькой рубашке, замерла. Мама была без сознания, тяжело дышала, но была еще жива, когда отец Оберлин, священник, которого привел Грегор, отпустил ей грехи и окропил ее святой водой. А когда чуть позже пришел враче-

ватель¹, ему оставалось только сказать нам, что она мертва. И мой отец осел на холодный каменный пол, воя, точно раненый зверь, а не человек. Я тогда еще ничего не поняла и, словно в кошмарном сне, все повторяла: «Почему?» — но никто не отвечал мне. И только когда Мартин прибежал из монастыря, отец постепенно утихомирился. Тогда мою мать уже положили в комнате, были произнесены первые заупокойные молитвы, и я получила ответ на свой вопрос.

— Она снова ходила во сне. И выпала из чердачного окна, — глухо объяснил отец. — Нельзя ей было пить то красное вино, оно всегда ее будоражило. Но она наконец-то опять радовалась, наконец-то опять чувствовала себя хорошо. — И вдруг он завопил: — Это я виноват! Я должен был это предусмотреть!

Стоя у безжизненного тела матери и вспоминая о прошлой ночи, об отчаянии отца, я чувствовала, как у меня разрывается сердце. Я зажала уши ладонями, отвесила себе пару пощечин, заплакала навзрыд. А потом Мартин, мой брат, который старше меня всего на три года, мой Мартин обнял меня.

— Успокойся, Сюзанна. — Его голос дрожал.

— Я этого просто не понимаю, — всхлипнула я. — Как такое могло случиться? Как кто-то во сне может подняться по лестнице, по шаткой лестнице на чердак, а потом выпасть из окна?

— Ты же знаешь, наша мать всегда ходила во сне. Помнишь, как однажды мы искали ее и в конце концов нашли спящей в холодном погребке? Ну же, давай помолимся.

Он держал себя в руках, но лицо его побледнело пуще прежнего. Темная щетина проступала на меловых щеках, иссиня-черная тонзура² на бритом черепе выделялась сильнее обычного. Характером Мартин пошел в мать, от нее взял ранимость

¹ Врачеватель (мастер-хирург) — в отличие от образованного мастера-медика являлся ремесленником и пользовал низшие сословия, занимался хирургией, часто выполнял и работу цирюльника. Наряду с городской повитухой и аптекарем, как правило, уступал по уровню городскому лекарю.

² Тонзура — круг на голове у монахов, выбритый на макушке и обрамленный узкой полосой волос.

и чуткость, но внешне был очень похож на нашего отца, отличавшегося почти чужеземными чертами — впрочем, как и многие люди в землях Верхнего Рейна.

Молясь, мы услышали, как внизу распахнулась дверь дома. Усталые, с темными кругами под глазами, отец и Грегор вошли в комнату. Они дождались, пока мы произнесем «Аминь!», завершая молитву, перекрестились, и в следующий миг отец вдруг выбежал из комнаты. Его тяжелые шаги доносились из спальни внизу.

— Что происходит? — спросил Мартин. — Где священник?

Грегор уныло покачал головой и сел на стул у двери, где раньше сидела я, чтобы быть как можно дальше от трупа.

— Поговори с нами, Грегор, — взмолилась я.

Мой сильный, высокий брат, самый старший из нас, детей, в семье, старше меня на пять лет, вдруг показался мне беспомощным, как малое дитя.

— Священник не придет. — Его нижняя губа дрожала. — Потому что наш дом отныне покрыт позором.

Мы уставились на него, как на призрака. Мартин схватил его за руку:

— Что все это значит? Что за глупости ты говоришь?

— Не веришь — спроси отца! — взвился Грегор. — Один из наших соседей ходил к священнику. Донес ему, мол, сам видел, как наша мать подошла к окну, притом она не спала. Она вскричала: «Простите меня!» — и бросилась вниз. Понимаете? Она не ходила во сне. Она покончила с собой!

— Я... я в это не верю, — выдавила я. В голове у меня все закружилось, и я оперлась на стену.

— Не веришь? — Грегор сжал кулаки. — А кому лучше знать, как не тебе? Это ведь ты все время заботилась о ней, когда она проводила все дни в своей спальне, закрыв ставни, в темноте, когда она отказывалась разговаривать и ничего не ела! Только поэтому ты до сих пор не обвенчалась с Аберлином — потому что без тебя мы не справились бы. Разве она не говорила тебе, и не раз, что больше не хочет жить? Ты забыла? И теперь она покончила с собой. Навлекла позор на всех нас! В повозке

палача ее вывезут из города и утопят тело в Иле¹ или выбросят в могильник².

— Прекрати! — завопила я и бросилась на брата с кулаками. Мартин оттащил меня в сторону.

— Это поклеп, за такое он предстанет перед судом. Кто такой вообще этот сосед?

Грегор вскочил со стула.

— Иди сам к священнику и спроси его, кто этот проклятуший гад. Я больше ничего не скажу. И придет к нам не священник, а городской лекарь³. Он проведет освидетельствование, как при каждом преступлении, происходящем в городе.

Он выбежал из комнаты, и мы услышали, как скрипит под его ногами дерево внешней лестницы дома.

Ближе к вечеру я решила подать запоздалый обед, для чего нужно было приготовить овощной суп, хотя я и знала, что никто из нас к нему не притронется. В том числе и я сама — в душе у меня до сих пор все переворачивалось. Мартин вернулся в доминиканский монастырь, расположенный недалеко от города, отец так и не вышел из спальни, а Грегор шумно перекидывал что-то в подсобке нашей лавки на первом этаже.

Вскоре после того, как около полудня Мартин ушел, я взглянула к отцу. Тот молча лежал на кровати и смотрел в потолок. Я спросила его, правду ли сказал Грегор. Отец вскинулся, запустил пятерню в седые волосы и в отчаянии завопил: «Я уже и сам не знаю, чему верить!» И опять разрыдался. С тех пор я бесцельно сидела в кухне, погрузившись в собственные мысли и глядя на огонь в очаге. Я больше не смогла заставить себя подойти к телу матери.

Для супа нужна была чистая вода, поэтому я потянулась за бурдюком, но вдруг замерла, вспомнив, что колодец находится

¹ Иль — эльзасский приток Рейна.

² Могильник — участок земли за воротами города, где закапывали трупы животных и тела тех, кого нельзя было хоронить по христианскому обряду (самоубийц, проституток, казненных преступников).

³ Лекарь (мастер-медик, *doctor medicinae*) — врач, получивший медицинское образование в университете; в отличие от врачевателя, занимал более уважаемое положение в обществе и пользовал пациентов с болезнями внутренних органов.

у соседнего перекрестка. Все соседи будут глазеть на меня. И шептаться: «Вот она, дочь самоубийцы!»

Отложив бурдюк, я снова села за кухонный стол. Ничего, обойдемся остатками квашеной капусты и размоченным хлебом.

Узор на деревянной столешнице начал расплываться. Меланхолия¹ часто охватывала мою мать, вот уже несколько лет. В такие дни с ней невозможно было говорить, она неподвижно лежала в спальне, широко распахнув глаза. Мы испробовали многие методы, чтобы вывести черную желчь из ее тела — подкладывали ей в постель бусы из гранатов, повязывали ей эти бусы на запястье — ничего не помогло одолеть избыток черной желчи², в том числе и кровопускание, скорее ухудшившее ее состояние, чем исцелившее ее.

Однажды — это случилось прошлой осенью — мой отец отдал много денег жене палача, занимавшейся колдовством, чтобы та помогла моей маме. Ворожея расспросила отца, как и когда меланхолия проявилась у мамы впервые. Папа вспомнил, что через несколько недель после рождения моей младшей сестры мама упала у колодца и проплакала несколько часов. Тощая Агнес — так все называли жену палача — предположила, что мамина болезнь — это порча. Она расспросила всех нас о том, кто из наших знакомых мог желать маме зла. Может быть, кто-то был рядом с колодцем, когда мама упала? Но никто из нас ничего такого вспомнить не смог. Мама была застенчивой и заботливой, ее все любили. Впрочем, папа вспомнил одного члена городского совета, когда-то увивавшегося за мамой. Спустя много лет после ее свадьбы советник встретил маму на угольном рынке и бросил ей в лицо злое проклятие: «Чтоб тебе, Маргарита, больше не жить в здравии!» Но называть имя этого советника отец не захотел. Тощая Агнес слепила восковую фигурку, смазала ей голову и грудь маслом, произнесла заклинания против злых духов, а потом растопила

¹ Меланхолия — уныние; ранее это слово использовалось как диагноз при группе симптомов депрессивного расстройства.

² Избыток черной желчи — средневековое описание меланхолии, депрессии.

эту фигурку у нас во дворе. А для дальнейшей защиты нашего дома от демонов она нарисовала у нас на пороге пентаграмму¹. После этого маме и правда довольно долго было лучше.

А теперь такое! Самоубийство — позорное, безбожное преступление, подтолкнуть к которому мог только сам дьявол. По крайней мере, так говорят священники. По их словам, душа самоубийцы проклята на веки вечные и обречена скитаться без упокоения. Чтобы не дать душе вернуться в тело, хоронить самоубийцу надлежит лицом вниз, тело же накрыть ветвями терна, а лучше и вовсе уничтожить — сжечь или сгноить в воде, ведь столь чудовищное деяние могло навлечь на всех большую беду.

Услышав громкий стук в ворота двора, я вздрогнула. Неужели пришел городской лекарь? Для всех наших соседей его прибытие покажется подтверждением того, что в нашем доме совершилось преступление. Стук стал еще громче, и я проскользнула к внешней лестнице дома и выглянула в узкую щелочку между досками, но не рассмотрела, кто ждет у ворот.

Спускаться по ступеням было так трудно... Грегора я обнаружила в подсобке, где он при свете коптилки раскладывал товары. Оба окна, ведущие в переулок, были закрыты ставнями.

— Почему бы тебе хотя бы ставни не открыть? — прошептала я. — Тогда мы сможем увидеть, кто это пришел.

— Я и так знаю, кто это. — Мой брат с каменным лицом перенес небольшую коробку с пряжками на стол в лавке. — Пусть отец впустит лекаря в дом.

— Ты же сам знаешь, что он не сможет. Отец обессилел.

— Тогда ты открой ему! Или пусть мастер-медик позовет судебного пристава², чтобы тот выломал дверь. Мне все равно. Я впускать его не стану. Нечего ему тут делать.

Скрепя сердце я вышла во двор и отодвинула засов на воротах. Но за воротами стоял вовсе не городской лекарь,

¹ Пентаграмма — пятиконечная звезда; знак, наделенный важной символикой, используется в магии как оберегающий от демонов символ.

² Судебные приставы в средневековой судебной системе занимали низкую должность, выполняя поручения суда и приводя в исполнение приговоры о легких телесных наказаниях.

а какой-то невысокий сухопарый мужчина немолодых уже лет в черно-белом одеянии монаха-доминиканца. Я потрясенно уставилась на него. Что этому монаху ордена братьев-проповедников¹ от нас нужно? Он как-то связан с Мартином? Неужели с моим братом тоже что-то случилось?

— Слава Иисусу Христу! — поздоровался он, устремив на меня взгляд серых глаз. Выражение лица у него не было таким, будто он принес новую дурную весть.

— Во веки веков, аминь, — смущенно пробормотала я.

— Разве ты не знаешь, кто я, Сюзанна?

Только сейчас я узнала в нем приора² доминиканского монастыря. В прошлом году мы с мамой случайно повстречали его у стен монастыря, когда искали Мартина.

— Вы отец-настоятель из ордена братьев-проповедников, верно?

Мужчина кивнул.

— Можешь называть меня просто братом Генрихом. Отец-настоятель и приор — так меня зовут мои братья по ордену. Как ты, дочь моя? — сочувственно спросил он.

Я не знала, что ответить на это.

— Все... все это просто ужасно... — пробормотала я.

— Я могу войти?

Я молча провела его по лестнице в кухню, занимавшую весь второй этаж. Войдя туда, я предложила ему присесть за стол и что-нибудь выпить, но приор отказался, остановившись в дверном проеме.

— Мне очень жаль, что с вашей матушкой случилось такое, — тихо произнес он, прошептал что-то на латыни и перекрестился. — Господи, помилуй ее душу. — Подойдя ко мне, он сжал мои ладони. — Я пришел утешить вас в этот нелегкий час. Пути Господни неисповедимы, но Божий промысел есть во всем. Проведи меня к телу Маргариты, дитя.

¹ Орден братьев-проповедников — другое название доминиканского ордена.

² Приор — настоятель монастыря.

Мое удивление все возрастало. Неужели приор не знал, какое злодеяние якобы совершила моя мать? И почему он, словно давний и добрый знакомый, называл ее «Маргарита»?

— Она наверху, в комнате, — сказала я.

— Тогда отведи меня к ней. Твой отец тоже дома?

— Да, но он прилег в спальне. Ему очень плохо.

Мы снова вышли на внешнюю лестницу. Все дома в нашем переулке были очень узкими и высокими, с лавкой или ма-стерской на первом этаже, и наш дом не был исключением. Крытая, защищенная от ветра досками внешняя лестница вела прямо со двора на второй этаж, в кухню с большим ка-менным очагом, а оттуда — еще выше, в столовую комнату, где все собирались на праздники, и, наконец, на четвертый этаж, где ютились две спальни. На чердак под остроконечной крышей можно было подняться только по приставной лест-нице из родительской спальни — по той самой лестнице, по которой моя матушка вчера забралась в крошечной темноте.

Дойдя до третьего этажа, я открыла приору дверь и пропус-тила его вперед, а сама остановилась на пороге. Все во мне противилось тому, чтобы входить туда. Ставни все еще были закрыты, от свеч стало душно, а к пряному аромату ладана примешивался какой-то сладковатый запах, от которого меня затошнило. «Вот так пахнет смерть», — пронеслось у меня в голове.

Но брату Генриху запах, видимо, не мешал. Он встал вплот-ную к столу и, почти касаясь маминых плеч, начертил на ее лбу крест, произнес что-то на латыни и пристально взгляделся в ее черты. На его узком безбородом лице заиграла слабая улыб-ка — странная то была улыбка, скорбная, уголки его рта не приподнимались, и вдруг он словно состарился еще сильнее, убитый горем. Долго-долго простоял он так, глядя на нее.

— Твоя мать была необычайной женщиной, — наконец про-изнес он, поворачиваясь ко мне. Печальная улыбка сползла с его губ. — Я сделаю все, чтобы ее похоронили по христиан-скому обряду.

— Так значит, вы знаете... — пролепетала я. — Знаете, что она...

— Да, то ведомо мне. Мой брат по ордену Мартин рассказал мне все о постигшем его горе. И потому я здесь. Мужайся, дитя. Городской лекарь уже приходил?

— Нет, еще нет... — И я не сдержалась: — Мама ни за что не поступила бы так с нами!

— Я знаю. Но знаю я и то, что она страдала от меланхолии, опасной хвори духа и души. — Лицо его посуровело. — Ей нужно было вовремя обратиться к своему духовнику. Или ко мне. Проведя экзорцизм¹, ее можно было бы исцелить.

— Но что, если она просто ходила во сне? Что, если этот сосед возводит на маму злую напраслину?

— И это тоже возможно. Но что бы ни случилось, если врач и духовник смогут доказать, что самоубийца действовала в помрачении рассудка, ее можно будет похоронить по-христиански. Я поговорю с мастером-медиком и отцом Оберлином.

Во мне затеплилась надежда, но в то же время мне показалось странным, что приор обсуждает все это со мной, а не с моим отцом — хозяином дома и супругом покойной. От перенапряжения последних часов мне сдавило грудь, и я почувствовала, как слезы вновь наворачиваются на глаза.

Похоже, настоятель это заметил.

— Доверься мне, Сюзанна. И, главное, уповай на Господа. А теперь проводи меня к твоему отцу, дитя.

Закрыв дверь, я вздохнула едва ли не с облегчением.

— Можно у вас кое-что спросить, брат Генрих?

— Спрашивай, Сюзанна.

— Правда ли, что тело самоубийцы может навлечь на людей страшную беду — войну, мор², бурю?

— Все это лишь старые суеверия. Но истинно то, что по ночам у могилы самоубийцы могут собираться ведуны и ворожеи, чтобы набраться колдовских сил от отравленной демонами неуспокоенной души. Потому действительно надлежит сжигать бранные останки самоубийц. Но знай, что твоя мать

¹ Экзорцизм — изгнание дьявола.

² Мор (*устар.*) — название любой смертоносной эпидемии.

не покончила с собой по собственной воле. Так или иначе, произошел несчастный случай. И я приложу все усилия, чтобы люди поняли это.

— Так вы были с ней знакомы?

Приор удивленно посмотрел на меня.

— Разве она никогда не рассказывала вам, детям, что мы с ней выросли вместе?

Я покачала головой.

— Странно. Наши семьи жили по соседству в переулке Шустергассе.

И тут я вспомнила, что после того, как Мартин принял постриг¹ восемь лет назад, мама о чем-то подобном упоминала. И потом, некоторое время спустя, Мартин однажды сказал, что его приор кажется суровым и озлобленным человеком, а мама тихо добавила, что тот еще в детстве был немного странным. Но, конечно, об этом я сейчас говорить не стала.

Поднявшись на четвертый этаж, мы миновали комнатенку, где я теперь жила одна — Мартин ушел в монастырь, а Грегор спал внизу, в лавке, отгородив себе спальное место дощатой стенкой. Взгляд настоятеля упал на мою все еще не застеленную, распотрошенную постель, и мне стало очень неловко. На пороге спальни моих родителей монах остановился.

— Если что-то тревожит тебя, ты всегда можешь обратиться ко мне. Обещаешь, Сюзанна?

— Спасибо, — сдавленно пробормотала я.

В тот момент мысль о том, что этот Божий человек на нашей стороне, принесла мне немалое утешение.

¹ Постриг — обряд принятия монашества, включающий клятву нестяжательства, целомудрия и смирения, которой послушники навечно связывают себя с монастырской общиной.

ГЛАВА 2

Селеста, Эльзас,
весна 1439 года

Пощечина, которую тетка вlepила Генриху, огнем горела на щеке девятилетнего мальчишки, но он сумел сдержать слезы.

— Это чтобы ты запомнил: когда колокола звонят к вечерне¹, ты должен быть уже дома! А вовсе не тогда, когда уже стемнеет! — прошипела она обеззубевшим ртом и поволокла мальчика к дверному проему, за которым виднелась темная крошечная мастерская. — Марш в кухню!

Генрих упрямо поджал губы. Пусть тетка вlepит ему еще одну пощечину — наплевать. Он чувствовал себя отважным рыцарем, захватившим вражеский замок во имя своего сюзерена.

Мальчик оглянулся, мечтая бросить еще хоть один взгляд на Маргариту. Девочка стояла в переулке и махала ему рукой, но прежде, чем он успел помахать ей в ответ, дверь уже захлопнулась.

— Ну, ты идешь?

Он поплелся за теткой по деревянной лестнице, узкой и крутой, как приставная. С каждым шагом ступени жалобно скрипели под тучным телом тетки, точно от боли. В кухне, как и всегда, воняло супом с кислой капустой — тетка готовила его почти каждый день.

За столом уже сидели его мать, подмастерье по имени Вольфли и Ганс, тринадцатилетний брат Генриха.

— Где ты ошивался? — грубо осведомилась мать.

¹ Вечерня — вечерняя молитва (проводится около 6 часов вечера).

— На стройке перед новой баней, — честно ответил мальчик.

— Нечего тебе там делать, — рявкнула женщина.

Генрих мог бы сказать ей, что там сейчас чудесная куча песка, в которой так весело играть, ведь он уже выполнил всю порученную ему работу в мастерской. Но мальчик промолчал. Он не хотел раздражать мать еще сильнее.

После смерти отца четыре года назад мать наняла подмастерье, чтобы не лишиться сапожной лавки, и с тех пор стала еще строже. На самом деле Генрих даже не помнил отца. Он долго хранил надежду, что мама снова выйдет замуж и у него появится новый папа, но сейчас подозревал, что мать прелюбодействует с этим грубым хитрецом Вольфли — какая мерзкая мысль!

— Ох, кто же вырастет из этого мальчишки, раз уже сейчас он шляется по переулку, будто нищий какой-то, вместо того чтобы помогать нам по дому, — пожаловалась мать своей сестре. — Отца нет, ремня ему дать некому.

— Он с дочкой башмачника гулял, — тут же донесла на него тетка.

— Что? С дочкой Блаттнера шляешься? — Лицо матери побагровело.

Генриху показалось, что сейчас ему опять влепят пощечину, но мать передумала.

— А ну-ка извинись, а потом сиди в углу, пока мы не доедем. В наказание сегодня останешься без ужина.

Мальчик кивнул.

— Прости, мама. Прости, тетя. Мне очень жаль, что я опоздал.

— А как насчет меня? — Повернувшись к нему, подмастерье нагло ухмыльнулся.

— Прости, Вольфли.

Состроив печальную мину, Генрих уселся на дощатом полу, но на самом деле ему хотелось петь от радости. Уже давно он мечтал о том, чтобы поиграть с соседской злооткудрой девчонкой, Маргаритой. Мальчик никак не мог

решиться заговорить с ней, хотя она и была на три года его младше. Но сегодня он наконец-то собрался с духом и сказал ей, что хочет показать кое-что интересное. И Маргарита пошла с ним. Они играли в песке на берегу речушки Шлангбах, где строилась новая баня. Генрих совсем позабыл о времени, пока вдруг перед ним не предстала разъяренная тетка.

Мальчик закрыл глаза. В животе урчало, но ему было все равно. Завтра вечером Маргарита опять пойдет с ним играть. Она ему обещала.

ГЛАВА 3

Селеста,
июнь 1484 года

В воздухе на кладбище у церкви Святого Георгия стояло марево от жары, но на западе над горами Вогезами уже гроздидились грозовые тучи. Я тихо шептала заупокойную молитву, украдкой вытирая лицо. Похоронной процессии, должно быть, показалось, что я отираю слезы, но это был лишь пот. За последние два дня все слезы я уже выплакала.

Следуя примеру отца и брата, я бросила горсть земли на деревянный гроб в могиле, а потом отошла в сторону, чтобы дать попрощаться остальным. На мамины похороны пришли не только папины друзья по гильдии и их семьи, но, казалось, половина города. Я даже заметила несколько благородных господ. Пусть наша семья не принадлежала к какому-то богатому роду Селесты, но мой отец, Бертольд Миттнахт, пользовался уважением в городе как галантерейщик. Может быть, кого-то привело сюда и любопытство — упомянет ли отец Оберлин странные обстоятельства смерти усопшей? Или, быть может, присутствующим удастся увидеть знамение, которое подтвердило бы не смолкавшие слухи о том, что жена Миттнахта покончила с собой? Во время заупокойной службы люди все время поглядывали на небо — не ударит ли в могилу молния? Но далекие раскаты грома бушевали в стороне, над горами. Отец Оберлин лишь упомянул преждевременную кончину моей матери, назвав происшедшее «несчастливым случаем».

— Бог дал, Бог взял, — закончил он. — И нам, живым, остается лишь позаботиться об упокоении души Маргариты до самого Судного дня.

Я знала, что отец сделал все возможное для спасения ее души. Хотя гильдия торговцев и помогла ему, отец потратил огромную сумму на эти похороны и сорокадневный траур с поминками. Нужно было платить за все: колокольный звон, свечи, лампы, поминальные и заупокойные службы в церкви, поминальные дни¹ в доминиканском монастыре, визит священника, а главное — семидневное моление двух монахинь у могилы. «Но что, — вновь и вновь думала я, — если мама действительно покончила с собой? Тогда все это напрасно».

Я невольно оглянулась. Те старухи в конце процессии — о чем они шепчутся? О нас? И те три девушки из нашего переулка, не сводящие с меня глаз?

Старая травница Кети, всегда тесно общавшаяся с моей матерью, стояла явно в стороне ото всех и то и дело осеняла себя крестным знаменем. Также я заметила в толпе неотрывно смотревшего на меня гвоздильщика Аберлина — и поспешно отвернулась.

Мой обеспокоенный взгляд случайно пересекся с взглядом приора, как раз отходившего от могилы. Настоятель ободряюще кивнул мне, и я отринула сомнения. Нет, все правильно. Происшедшее с моей матерью — несчастный случай, кошмарный несчастный случай. Невзирая на скорбь и оцепенение, меня вдруг охватило теплое чувство благодарности к брату Генриху, добившемуся невероятного. Больше всего в том, что маму похоронят по христианскому обряду, сомневался Грегор. Но приор сдержал слово: во время своего визита он не только дождался городского лекаря, но и потом сам ходил к отцу Оберлину. Как ему удалось убедить и лекаря, и священника в том, что некий наш сосед (а мы все подозревали, что это был старый пьяница Клеви) ошибся, никто из нас так и не узнал.

После всех этих ужасных событий прошло уже два дня и две ночи, но боль так и не отпускала. Без матушки наш дом опу-

¹ Поминальный день — ежегодное поминание умершего во время церковной службы, часто производилось только после пожертвований в монастырь товаров или денег.

стел, тишина казалась невыносимой. Могила хотя бы стала местом, на котором я могла скорбеть по маме. И хотя тоска по ней занимала все мои мысли, уже сегодня утром меня охватило мрачное предчувствие: моя жизнь изменится навсегда. Я была уже в том возрасте, когда девице пора выходить замуж — моя подруга Эльзбет еще в прошлом году повенчалась со своим Рупрехтом и сейчас уже была на сносях. Родители решили дать мне время до свадьбы с Аберлином. Да, он был мне омерзителен. Но не поженились мы с ним по одной-единственной причине: мама, занимавшаяся учетом заказов и в целом во многом помогавшая отцу в лавке, в последние два года все чаще была не в состоянии что-либо делать, поэтому я уже давно не только вела домашнее хозяйство. В худшие для мамы дни мне приходилось заменять ее и на работе, вместо нее ходить с Грегором на рынок и проверять в подсобке, хватит ли нам иглока, ниток, веретен, зеркал, гребней, ремней, мешков и всего прочего на продажу.

Все это скоро закончится. Мой отец решил нанять работницу. В моей помощи не будет необходимости. Отец даже уже придумал, кого попросит у себя работать — вдову одного своего друга по цеху, разбиравшуюся в торговле.

«Так ты наконец-то займешься тем, что и полагается делать молодой женщине. Будешь жить с достойным мужчиной, растить детишек и вести хозяйство». Вот что он сегодня утром сказал мне за завтраком.

Но при одной мысли об Аберлине мне становилось дурно. Он казался мне глупым и грубым, и даже его внешность — покаты́й лоб, глаза навывкате — внушала мне отвращение.

Чья-то рука легла мне на плечо.

— Все будет хорошо, — тихо сказал брат Генрих, стоя рядом со мной. — Душа твоей матушки отправилась к Господу. И помни: чем чаще мы молимся за нее, тем скорее она узрит лик Божий.

ГЛАВА 4

На следующий день в доминиканском монастыре

Генрих Крамер стоял у пюпитра в просторном, полном книг и свитков зале монастырской библиотеки и пытался излить свои мысли на бумагу. Ризничий¹ принес ему новую восковую свечу, и до вечерни оставалось еще немало времени на работу. Пока что монах был очень доволен результатом.

Его полемический трактат, направленный против непростительной мягкости клира² в отношении гуситов³, иудеев и прячущихся за показной набожностью еретичек из числа бегинок⁴ и сторонниц всех этих никем не контролируемых женских религиозных общин, с риторической точки зрения казался ему безупречным. И он не занимался досужими теоретическими домыслами — о нет! Во всех аргументах Крамер мог полагаться на собственный опыт: так, в Богемии он принимал участие в искоренении гуситской ереси; внес немалый вклад в расследование ритуального убийства в Тренто, завершившееся судебным процессом над представителями местной еврейской общины; и не так давно вел разбирательство о деятельности подозрительно набожных женщин в Аугсбурге, пусть и не сумел в итоге выдвинуть им обвинения

¹ Ризничий (иногда: ключарь) — заведующий хозяйством в церкви или монастыре, например, он отвечает за утварь для церковной службы, церковные ценности, колокола, освещение.

² Клир — духовенство в христианстве. (*Примеч. перев.*)

³ Гуситы — сторонники Яна Гуса (идеолога чешской Реформации, казненного в 1415 г. по решению Констанцкого собора), подвергавшиеся преследованиям по обвинению в ереси.

⁴ Бегинки — члены женских религиозных общин, по уставу близких к монашеству, действовали без контроля церкви и потому часто обвинялись в распространении ересей. (*Примеч. перев.*)

в ереси. Не зря десять лет назад папа Сикст IV даровал ему должность инквизитора.

Теперь, когда трактат был почти готов — не хватало только блестящего заключительного слова, — Генрих собирался показать его самому Папе Римскому. Но он чувствовал, что эта тема занимает его уже не столь сильно, как всего пару месяцев назад.

Он прикусил кончик пера. Что-то уже разгоралось в нем, жгло огнем, пыталось прорваться наружу. Ему мечталось создать что-то несоизмеримо большее, чем этот смехотворно короткий трактат, который прочтут разве что концилиаристы¹, эти осмеливающиеся критиковать папу еретики. Что-то всеобъемлющее, направленное на борьбу за чистоту веры и искоренение зла в людях — вот что он хотел написать. Ему уже виделось это великое творение, о котором будут говорить во всем христианском мире. Благодаря изобретению книгопечатания с подвижными литерами этот труд быстро распространится. Его ученое имя, доктор Генрикус Инститор, будет у всех на устах.

За последние годы в должности папского инквизитора с полномочиями *per totam Alamaniam superiorem*, то есть по всей Южной Германии, ему удалось понять кое-что очень важное: истинную опасность для христианской веры представляют не иудеи и не упорствующие в своих заблуждениях глупцы, а одна новая ересь, возникшая в Альпах и опухолью разраставшаяся повсюду вокруг. Именно поэтому Крамер ставил своей целью добиться назначения на должность верховного инквизитора всех немецких епархий². И поводом для такого назначения станет его новое творение — Генриху оно уже мнилось напечатанной книгой.

Ах, если б только день длился в два раза дольше! Обязанности приора в монастыре, где он уже два года был настоятелем,

¹ Концилиаристы — церковные и монастырские реформаторы времен позднего Средневековья, выступавшие за приоритет полномочий церковных соборов над полномочиями Папы Римского.

² Епархия — в Германии то же, что диоцез, то есть церковно-административная территориальная единица с епископом во главе.

инквизитора, ученого, теолога и не в последнюю очередь исповедника отнимали у него много времени. Но еще в юности Крамер понял, что нужно заставлять себя проделывать шаг за шагом, если хочешь чего-то добиться. Сегодня же он допишет свой трактат, а завтра составит план нового произведения. Генрих осознал, что ему предстоит обширное исследование, ведь он хотел отразить в новой книге собственный опыт наравне с мыслями иных великих ученых. В первую очередь он затребует для своей монастырской библиотеки издание книги «*Formicarius*»¹ Иоганнеса Нидера², своего собрата по ордену, умершего несколько десятилетий назад. Эта книга казалась ему наиболее подходящей для введения.

Сделав еще глоток изумительного красного вина из траминера³, Крамер принялся за заключительные замечания своего трактата, но вскоре заметил, что его мысли вновь разбегаются. Он раздраженно опустил перо. События в доме галантерейщика Бертольда Миттнахта занимали его куда больше, чем ему хотелось бы. А главное, юная девица Сюзанна никак не шла у него из головы. С каким облегчением она вздохнула, стоя у могилы матери! А ведь благодаря своему дару красноречия Генриху было совсем несложно убедить священника и городского лекаря в том, что Маргарита выбросилась из окна в порыве безумия. Не говоря уже о том, что он сумел выставить этого клеветущего соседа Клеви пьяницей — эту подробность он выведал у своего юного собрата Мартина. Крамер узнал у юноши еще кое-что важное: кто-то из городских советников однажды проклял Маргариту за то, что она отвергла его любовь. Если это так, то бедняжка и вовсе ни в чем не повинна, ведь речь идет о злонамеренных чарах, а этот советник должен быть казнен! Крамер даже некоторое время раздумывал над тем, не выяснить ли ему, кто этот

¹ Главное произведение монаха-доминиканца Иоганнеса Нидера, в котором муравейник (*лат. formicarius*) используется как метафора идеального государства; последняя глава посвящена колдовству и новой ереси ведьм.

² Иоганнес Нидер (1385—1438) — доминиканец, реформатор церкви.

³ Траминер — древний сорт винограда.

злодей, но провести судебный процесс над столь уважаемым в городе человеком будет куда сложнее, чем тогда в Констанце над гуситами и в Базеле над ведьмами. И потому в разговоре со священником и городским лекарем об этой подробности Генрих предпочел умолчать. Если в подобном подозревается кто-то высокопоставленный, нужно действовать осторожно, чтобы не навлечь на себя обвинения в клевете.

Крамер отпил еще вина, и в голове у него наконец-то прояснилось. Ах, как ему было приятно увидеть на лице Сюзанны благодарность! И сколь редки были такие мгновения в его жизни... Слишком далек он от простого люда.

И вдруг перед его внутренним взором образ Сюзанны слился с воспоминаниями о юной Маргарите. Поразительно, насколько девочка похожа на мать. Как две капли воды. Те же золотистые волосы с красноватым отливом, те же зеленые глаза... Нет, Сюзанна еще красивее... Ее точеные черты... А ее стройное тело! Еще в прошлом году, встретив девушку у монастыря, Генрих обратил внимание на ее сходство с матерью, но сейчас, когда ему представилась возможность познакомиться с девицей ближе, это стало очевидным.

Приор шумно вздохнул. Но почему Маргарита ничего не рассказывала о нем своей семье? Разве в детстве они не были близкими друзьями? И все это ему лишь помнилось? Он почувствовал, как в нем растет обида. Так, значит, он совсем не был ей дорог... Но что тут удивляться, в конце концов, она впоследствии ясно дала ему это понять.

Он резким движением прихлопнул жирную муху, усевшуюся на его пюпитр. Да какая разница, как прошла его юность в том жалком переулке? Главное — кем он стал теперь, уже в зрелом возрасте. И многим он мог гордиться. К тому же разве вчера, прощаясь с ним на кладбище, Сюзанна не взирала на него с чистым детским восторгом? Разве не восхищалась она им самим и его усердием? Ради такого взгляда он приложил бы все усилия, чтобы отвести позор от нее и ее семьи. И если потребовалось бы, он даже отыскал бы того преступного советника.

ГЛАВА 5

Конец июня 1484 года

Летняя жара продержалась недолго. Вот уже несколько дней царил несвойственный этому времени года холод, в узких переулках города бесчинствовали ветра, приносившие проливные дожди.

Когда гроза наконец-то отбушевала, я прислонилась к оконной раме в кухне. Из-за грузных темных туч выглянуло солнце, посылая лучики света на землю. Неужели это лето будет таким же дождливым, как позапрошрое и позапозапрошрое, когда урожаи почти везде пропали и на окрестные земли обрушились голод и мор? Пока что все росло хорошо, в том числе и в нашем небольшом огороде за городской стеной, но летом цены на продукты так и не опустились. Мальтер¹ ржи все еще стоил три фунта² вместо одного, как раньше. Отец негодовал по поводу всех этих перекупщиков, богатых купцов, завышавших цены благодаря тому, что скупили товары и собрали у себя значительные запасы. Только недавно я слышала, как он снова шептался с Грегором — мол, он вообще не знает, как свести концы с концами. Если наши сбережения истощились, дело плохо. Но в то же время я не могла приглушить в себе радость надежды: если у моей семьи так мало денег, отец не сможет позволить себе нанять работницу и выдать меня замуж.

Я услышала, как заскрипели ворота и во двор въехала телега. Значит, папа и Грегор уже вернулись с вещевого рынка на

¹ Мальтер — средневековая мера объема сыпучих тел на территории Германии и Швейцарии, различалась на разных землях, даже от деревни к деревне. (*Примеч. перев.*)

² Фунт — денежная единица в средневековье. (*Примеч. перев.*)

Ваффлерхофе¹, а я ведь еще даже колбаски на сковороду не положила! Со дня маминой смерти прошло три недели, и всем нам приходилось нелегко: Грегор выходил из себя по малейшему поводу, папа мог выйти из дома в тапочках или забыть расчесаться, а я сама стала суетливой, неуклюжей и рассеянной, точно старуха. К тому же мне везде мерещилась мама. То мне привиделись ее хрупкие очертания во дворе, то помнилось, будто она разжигает огонь в очаге — но морок развеялся, едва я зашла в кухню. Как же трудно проститься с любимым человеком!

Для меня время скорби было особенно страшным, ведь только через сорок дней после смерти душа окончательно покидает земной мир и отправляется в чистилище, а до тех пор призраком, беспокойным духом бродит вокруг могилы и собственного дома, особенно в предрассветных сумерках. И потому нам, живым, следует как можно чаще молиться об усопших.

В эти недели мне часто не спалось, и я лежала в своей комнате под чердаком, вслушиваясь в потрескивание дерева, ветер под крышей и вой бродячих собак. Однажды я даже спустилась к Грегору среди ночи и спросила его, не слышит ли он мамин голос, но брат только накричал на меня, чтобы я оставила его в покое. Он всегда высмеивал мой страх столкнуться с призраком.

Я поспешно раздула огонь в очаге, сняла с крючка тяжелую сковороду и достала из каморки горшок со смальцем. На лестнице послышались тяжелые шаги, и в кухню вошел мой отец.

— Грегор сейчас закончит разгрузку. — Отец тяжело дышал. — Но к обеду вы меня не ждите. Мне нужно будет еще кое-куда сходить.

Глядя, как он, поникший, ссутулившийся, стоит в дверном проеме, я почувствовала, что меня мучает совесть. Как я могла радоваться нашим проблемам с деньгами? Я волновалась

¹ Ваффлерхоф — историческое название центральной площади Селесты перед городской ратушей, сейчас носит название д'Арм.

за отца — за последние три недели он сильно исхудал, пышная, черная как смоль борода поредела, подернулась сединой.

— Но торговля на рынке уже закончилась, — заметила я.

— Я не на рынок, а в Кестенхольц¹. — Отец покачал головой. — Вернусь через два-три часа.

— К Якову? — догадалась я.

Несколько лет назад иудеям запретили жить в Селесте, и те, кому нужно было занять денег, вынуждены были ехать к ростовщикам, поселившимся в окрестностях, ведь купцам-христианам законом запрещалось давать в рост деньги, как и посеивное зерно.

Отец только пожал плечами и уже собрался уходить, когда я схватила его за руку.

— Так значит, у нас совсем все плохо? — испуганно спросила я.

— Не настолько. Временные трудности.

Мне захотелось утешить его.

— Мартин говорит, что скоро все наладится. Что этот год будет урожайным.

— Вот как? Значит, он так говорит? Выходит, мой сын — пророк, — недовольно проворчал отец и пошел вниз по лестнице.

В растревоженных чувствах я вновь принялась за готовку. Мартин, изучавший в монастыре движение светил, объяснил мне, что Сатурн вскоре пройдет по знаку Льва, причем в тесной связи с Юпитером. Я и половины произнесенных им слов не поняла, но мне было ясно, что год ожидается теплый и сухой. Я невольно улыбнулась, вспомнив этот разговор. Мартин всегда старался объяснить мне устройство мира. При этом он так увлекался, что начинал говорить очень быстро, размахивал руками и даже расхаживал туда-сюда по комнате.

В последние дни Мартин очень поддерживал всех нас. Он приходил так часто, как только мог, и молился с нами. Я знала, что приходит он в первую очередь ради меня. Брат с детства

¹ Кестенхольц (современное название — Шатнуа), селение в Эльзасе к западу от Селесты.

всегда был на моей стороне и защищал меня даже с большим рвением, чем мама. В нашем переулке его дразнили за то, что он предпочитал сидеть дома с младшей сестренкой, а не гулять. «Их грубость мне не по душе, — часто говорил Мартин. — Им лишь бы выпить и покуролесить. Как Грегору». Он рано научился грамоте и часто читал мне «Золотую легенду»¹ о житиях святых — это была единственная наша книга, которую папа по маминой просьбе когда-то купил в Страсбурге, отдав за нее немалые деньги. Мартин долгое время был невысоким и хрупким, но в какой-то год вдруг вытянулся, и отец, никогда не знавший, как воспринимать задумчивость сына, хотел отдать мальчика в подмастерья к своему другу, торговцу железом. И мой никогда не отличавшийся строптивостью брат вдруг воспротивился — мол, он хотел выучиться и стать монахом, ничего другого ему не нужно! Я еще помню, как тогда несколько дней за столом у нас царило гробовое молчание. В конце концов отец после уговоров матери согласился оставить Мартина еще на три года в гимназии, а потом отправить его послушником² к доминиканцам, чтобы он мог продолжить обучение при монастыре.

И как только можно так долго учиться, недоумевала я, натягивая цепь, удерживающую котелок с тушеными овощами, чтобы поднять его повыше над пламенем, и переворачивая колбаски на сковороде. В какой-то момент обучение нужно закончить. Разве голова не переполняется? Что ж, вскоре Мартину будет чем заняться помимо учебы. На Пасху в следующем году ему предстоит рукоположение³, хоть он, на самом деле, еще слишком молод для этого. Но приор уже давно поддерживает его в этом решении.

¹ «Золотая легенда» — книга, составленная монахом-доминиканцем Иаковом из Ворагине как собрание христианских легенд о житиях святых, вторая после Библии по распространенности книга средневековья. (*Примеч. перев.*)

² Послушник — человек, готовящийся принять постриг в монастыре (обычно время ожидания составляет год).

³ Рукоположение — обряд возведения в сан священника. Рукоположенные монахи имели более высокий ранг в церковной иерархии, чем обычные. (*Примеч. перев.*)

Собственно, брат Генрих уже трижды приходил к нам с Мартином и оставался на обед. Он много молился с нами, а главное, разговоры с ним хорошо влияли на папу. При этом приор с удовольствием принимал папино приглашение посидеть с нами после обеда за кружкой вина. Не укрылось от моего внимания и то, что приор все время заводил разговор о том, какой была моя мама в юности. Видимо, в те годы они были действительно очень близки.

Раньше я даже не догадывалась, насколько важным и известным человеком был брат Генрих. Он изучал в Риме теологию и получил там степень доктора. Кроме того, он был автором множества трактатов, которые даже печатались и распространялись по всем немецким землям. В трактатах его имя писали на латыни, и звучало оно как доктор Генрикус Инститор. Когда мы оставались одни, Мартин только о нем и говорил. Он восхищался тем, что брат Генрих объездил весь мир, в то время как сам Мартин не бывал нигде дальше Страсбурга или Базеля. «Когда он рассказывает мне о далеких землях и тамошних людях, я словно вижу все это воочию! И вообще, он мне как второй отец, с самого начала меня поддерживал — вначале как мой учитель, потом как мой приор. И невзирая на то, что он куда старше меня, он всегда воспринимал меня всерьез!»

Я к этому времени тоже уже немножко гордилась тем, что столь выдающийся человек приходит в гости в наш скромный дом и ведет себя как добрый друг нашей семьи. Больше всего меня поражало то, что приор был настоящим папским инквизитором, посвятившим себя борьбе с еретиками и неверующими, и потому часто путешествовал. Правда, меня немного пугали пылкие рассказы брата Генриха, когда в ответ на наши вопросы он повествовал о своей повсеместной борьбе с подчас неприкрытым, подчас тайным злом ересей: у нас в Эльзасе, в Базеле вверх по течению Рейна, на Боденском озере, в далеком Тренто, раскинувшемся по ту сторону величественных Альп, в таких больших немецких городах, как Гейдельберг и Аугсбург, о которых я, впрочем, раньше не слышала. В такие

ОБ АВТОРЕ

Астрид Фритц изучала германистику и романистику в Мюнхене, Авиньоне и Фрайбурге. После этого она работала редактором в Дармштадте и Фрайбурге, а также прожила с семьей три года в Сантьяго. Ее произведения «Die Hexe von Freiburg» («Фрайбургская ведьма»), «Die Tochter der Hexe» («Ведьмина дочь») и «Die Vagabundin» («Странница») пользуются большим успехом у читателей. Сейчас Астрид Фритц живет неподалеку от Штутгарта.

Содержание

<i>Глава 1.</i>	Селеста, Эльзас, июнь 1484 года	7
<i>Глава 2.</i>	Селеста, Эльзас, весна 1439 года	18
<i>Глава 3.</i>	Селеста, июнь 1484 года	21
<i>Глава 4.</i>	На следующий день в доминиканском монастыре	24
<i>Глава 5.</i>	Конец июня 1484 года	28
<i>Глава 6.</i>	Селеста, Эльзас, лето 1440 года	37
<i>Глава 7.</i>	Селеста, начало июля 1484 года	39
<i>Глава 8.</i>	Середина июля 1484 года	45
<i>Глава 9.</i>	На следующее утро	54
<i>Глава 10.</i>	В доминиканском монастыре несколько дней спустя	58
<i>Глава 11.</i>	Селеста, Эльзас, весна 1441 года	64
<i>Глава 12.</i>	Конец июля 1484 года	67
<i>Глава 13.</i>	Конец лета 1484 года	75
<i>Глава 14.</i>	Сентябрь 1484 года	83
<i>Глава 15.</i>	Сентябрь 1484 года	90
<i>Глава 16.</i>	На следующий день	96
<i>Глава 17.</i>	Селеста, Предтечи, 1445 год	104
<i>Глава 18.</i>	Филлинген, Шварцвальд, конец сентября 1484 года	106
<i>Глава 19.</i>	Селеста, начало октября 1484 года	112
<i>Глава 20.</i>	Равенсбург, середина октября 1484 года	120
<i>Глава 21.</i>	Селеста, конец октября 1484 года	131
<i>Глава 22.</i>	Где-то в Верхней Швабии, между Маркдорфом и Вальдбургом, середина ноября 1484	136
<i>Глава 23.</i>	Селеста, зима 1484—1485 годов	141
<i>Глава 24.</i>	Селеста, начало февраля 1485 года	148
<i>Глава 25.</i>	Селеста, февраль 1485 года	154
<i>Глава 26.</i>	Конец февраля 1485 года	162
<i>Глава 27.</i>	Селеста, середина марта 1485 года	171
<i>Глава 28.</i>	Селеста, начало апреля 1485 года	179
<i>Глава 29.</i>	Страсбург, середина апреля 1485 года	184
<i>Глава 30.</i>	Вскоре после этого в доме купца	191
<i>Глава 31.</i>	Селеста, осень 1445 года	196

<i>Глава 32.</i> Селеста, середина апреля 1485 года	200
<i>Глава 33.</i> Селеста, конец апреля 1485 года	205
<i>Глава 34.</i> В доминиканском монастыре, несколько дней спустя	213
<i>Глава 35.</i> Селеста, начало мая 1485 года	215
<i>Глава 36.</i> Несколько часов спустя	220
<i>Глава 37.</i> В доминиканском монастыре, несколько дней спустя, май 1485 года	225
<i>Глава 38.</i> Селеста, конец мая 1485 года	228
<i>Глава 39.</i> В гостевом доме при кафедральном соборе Бриксена, июль 1485 года	234
<i>Глава 40.</i> Страсбург, середина сентября 1485 года	240
<i>Глава 41.</i> Страсбург, осень 1485 года	249
<i>Глава 42.</i> Страсбург, начало ноября 1485 года	257
<i>Глава 43.</i> В доминиканском монастыре в Селесте, начало марта 1486 года	262
<i>Глава 44.</i> Страсбург, март 1486 года	268
<i>Глава 45.</i> Страсбург, апрель 1486 года	276
<i>Глава 46.</i> Селеста, конец апреля 1486 года	283
<i>Глава 47.</i> Три дня спустя в Страсбурге	287
<i>Глава 48.</i> Страсбург, май 1486 года	292
<i>Глава 49.</i> Страсбург, начало лета 1486 года	297
<i>Глава 50.</i> Селеста, начало июля 1486 года	304
<i>Глава 51.</i> Страсбург, начало июля 1486 года	306
<i>Глава 52.</i> Страсбург, середина июля 1486 года	311
<i>Глава 53.</i> Страсбург, середина июля 1486 года	318
<i>Глава 54.</i> Страсбург, середина июля 1486 года	322
<i>Глава 55.</i> Селеста, в тот же день	327
<i>Глава 56.</i> Селеста, тем же вечером	329
<i>Глава 57.</i> На следующее утро	333
<i>Глава 58.</i> В камере в ратуше Селесты, в тот же день	340
<i>Глава 59.</i> На следующий день	348
<i>Глава 60.</i> Позже в тот же день	354
<i>Глава 61.</i> Чуть позже	365
<i>Глава 62.</i> Вскоре после этого	372
<i>Глава 63.</i> Несколько часов спустя	376
<i>Глава 64.</i> Тем же вечером	382
<i>Глава 65.</i> По дороге в Венецию, начало августа 1486 года	389
<i>Глава 66.</i> Аугсбург, август 1495 года, девять лет спустя	397
<i>Глава 67.</i> Республика Венеция, начало осени 1499 года, спустя тринадцать лет после бегства Сюзанны	400
Послесловие	410
Об авторе	412

Літературно-художнє видання

ФРИТЦ Астрід
Полювання на вільму
(російською мовою)
Роман

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *І. В. Набока*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Колеснікова*

Підписано до друку 15.05.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Adonis». Ум. друк. арк. 21,84. Наклад 4500 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ФРИТЦ Астрид
Охота на вельму
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *И. В. Набока*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Колесникова*

Подписано в печать 15.05.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Adonis». Усл. печ. л. 21,84. Тираж 4500 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а. E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

*Приглашаем к сотрудничеству
авторов*

e-mail: publish@ksd.ua

*Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов*

e-mail: editor@ksd.ua

Він прийшов у її дім, коли юна Сюзанна поринула в самотність. Її мати Маргарита загинула за загадкових обставин. Ходили чутки, що вона була відьмою, бо ходила уві сні... Настоятель місцевого домініканського монастиря отець Генріх обіцяв Сюзанні заспокоєння та відпущення усіх гріхів, а також упокій душі матері. Та турбота Генріха переросла в дещо інше, у небезпечну залежність... Якби дівчина знала, хто він насправді! І в яку страшну гру грає з нею мисливець...

Фритц А.

Ф89 Охота на ведьму : роман / Астрид Фритц ; пер. с нем. О. Малой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 416 с.

ISBN 978-617-12-6064-1

ISBN 978-3-499-27467-1 (нем.)

Он пришел в ее дом, когда юная Сюзанна погрузилась в одиночество. Ее мать Маргарита погибла при загадочных обстоятельствах. Ходили слухи, что она была ведьмой, потому что ходила во сне... Настоятель местного доминиканского монастыря отец Генрих обещал Сюзанне утешение и отпущение всех грехов, а также упокой души матери. Но забота Генриха переросла в нечто иное, в опасную зависимость... Если бы девушка знала, кто он на самом деле! И в какую страшную игру играет с ней охотник...

УДК 821.112.2